

Обзоры и рецензии

РУССКИЙ РЕАЛИЗМ В НАЧАЛЕ ВЕКА*

В начале текущего года вышел в свет очередной том «Горьковских чтений». Здесь публикуются материалы из поистине неиссякаемого Архива М. Горького, а также статьи и сообщения, в которых исследуются произведения писателя и его творческие взаимоотношения с литераторами-современниками.

Что привлекает внимание и выгодно отличает рецензируемую книгу от вышедших ранее «Горьковских чтений»? В работах предшествующих томов (весьма жаль, что редакция не нумерует их) творчество Горького рассматривалось, как правило, автономно, в отрыве от литературного процесса. В данной книге воспроизведена широкая литературная панорама. Почти в каждой статье делается попытка показать, как плодотворно было для Горького общение с такими писателями, как Бунин, Сергеев-Ценский, Куприн, Гарин-Михайловский и другие. Горькому случалось вступать с ними в своеобразное со-

ревнование при разработке сходных мотивов.

В «Горьковских чтениях» 1964—1965 годов в основном затрагиваются две темы. Одна — Горький и его современники, другая — ведущие тенденции развития литературы начала XX века.

Наименее исследованным в истории русской литературы оказался период 1910-х годов, когда вновь поднялась волна общественно-политической активности масс, а в литературе вновь возросла роль писателей-реалистов. Тогда-то критика и заговорила о новых веяниях в литературе и изменениях, которые претерпел старый реализм. В литературно-критический обиход тех лет входит новый термин — неореализм. Пытаясь разобраться в том, что представляет собою это явление, некоторые современные критики склонны были рассматривать неореализм как творческую комбинацию двух течений в литературе — модернизма и реализма, они утверждали, что это реализм, обогащенный исканиями и находками писателей-

---

* «Горьковские чтения. 1964—1965. Горький и русская литература начала XX века», «Наука», М. 1965, 399 стр.

декадентов¹. Однако многое из того, что приписывалось завоеваниям декадентов, не было их открытием. Реалисты 1910-х годов в значительной мере опирались на практику писателей-реалистов конца XIX столетия — Гаршина, Чехова, Короленко, которые нащупывали новые пути в развитии классического реализма.

Проблемам неореализма посвящены статьи О. Михайлова («Деревня» Бунина и М. Горький») и И. Корецкой («Горький и Куприн»), а также сообщения В. Чувакова («А. С. Серафимович против «литературного распада») и И. Вайнберг («Русское декадентство и литература реакции на страницах «Жизни Клим Самгина»). Более широко исследуются они в работе М. Сурпин «О реалистической прозе 10-х годов (М. Горький и С. Н. Сергеев-Ценский)».

В поле зрения М. Сурпин сложные, полные противоречий произведения Сергеева-Ценского, сильные и слабые стороны его творчества, особенности мастерства, взаимоотношения с Горьким. Не стремясь как-то выпрямить, улучшить путь этого писателя, что весьма заметно в исследованиях последних лет о Сергеев-Ценском, исследователь пытается установить, чем отличался Сергеев-Ценский от литераторов-модернистов, разобраться в том, что было глубоко чуждо ему в их отношении к миру, и определить, что привлекало к нему внимание Горького.

Автор неоднократно говорит и о связи Сергеева-Ценского с русской классикой, но более развернуто представлена в работе все-таки та часть, где речь идет о перекличке его с писателями-декадентами.

¹ См. об этом подробнее в кн.: К. Д. Муратова, Возникновение социалистического реализма в русской литературе, «Наука», М.—Л. 1966.

Значительное место в статье М. Сурпин занимает сопоставительный анализ изобразительных средств Сергеева-Ценского и Горького (повести «Движения» и «Жизнь Матвея Кожемякина»). Речь идет о портретной живописи, пейзаже, использовании подтекста и т. п. Сопоставление позволило исследовательнице выявить основные стилевые тенденции в развитии прозы 10-х годов. Это, «с одной стороны, более пристальная детализованная манера письма, а с другой,— тяготение к собиранию частных, к широким обобщениям, к синтетическому образу-символу. Влечение писателей к живописно-точному и пластичному изображению деталей предметного мира составляло одну из особенностей процесса «возрождения реализма» (стр. 287).

Анализируя произведения Сергеева-Ценского и сопоставляя некоторые из них с горьковскими рассказами из цикла «По Руси» и повестями об Окурове, М. Сурпин вместе с тем затрагивает творчество и других литераторов — Бунина, А. Толстого. Все это помогает ей воссоздать довольно широкую картину литературного процесса тех лет, а также показать, что Горький в своих новых исканиях, темах, художественных приемах не был одинок. Таким образом, ее статья вместе со статьями других авторов сборника (в частности, И. Корецкой) значительно расширяет наше представление о сложном взаимодействии социалистического реализма с реализмом критическим в пору возникновения нового метода (стр. 160—161).

Интересна также статья Б. Ахундовой «Спутники «Матери» (Тема пролетариата в русской прозе начала XX в.)», в которой горьковский роман рассматривается на широком историко-литературном фоне. Внима-

ние исследователей пролетарской тематики в русской литературе 900-х годов обычно привлекали имена Куприна, Вересаева, Серафимовича. Б. Ахундова останавливается на малоизвестных, а подчас и совсем забытых именах, таких, как И. Гривский («Записки рабочего», 1904), А. Машицкий («В огне», 1904), А. Кипен («В октябре», 1906), Тан (В. Богораз — «Дни свободы», 1906) и др. Отмечая приоритет Горького в создании художественного образа героя-революционера, Б. Ахундова показывает, что роман «Мать» был окружен целым рядом «спутников», и предшествующих ему, и появившихся позднее, подчас с явными следами горьковского влияния. Почти все привлекаемые исследовательницей произведения не отличаются высокими художественными достоинствами, но в совокупности своей они, как справедливо констатирует Б. Ахундова, помогают уяснить, «как преломилась в русской реалистической прозе тема пролетариата, обогащают наши представления о содержании литературного процесса предоктябрьского периода», позволяя в то же время «отчетливее осознать тот принципиально новый шаг, который был сделан Горьким как автором «Матери» (стр. 302).

Взаимоотношения Горького с писателями начала века далеко не изучены, многое требует дополнений и уточнений, а в ряде случаев и пересмотра некоторых неверных, но ставших уже традиционными точек зрения. В «Горьковских чтениях» 1964—1965 годов, и в этом их ценность, немало таких уточнений и дополнений; есть здесь и плодотворная полемика с предшественниками. Нельзя не разделить полемический пафос И. Корецкой («Горький и Куприн»), которая, исходя из положения, что «на протяжении более чем двадцати

лет отношения писателей менялись не однажды», восстает против прямолинейного рассмотрения творческого пути Куприна, когда его «либо безоговорочно уподобляют Горькому, если речь идет об эпохе 1905 года, либо всецело противопоставляют ему в последующий период» (стр. 119). И. Корецкая рассматривает влияние Горького на литературу начала века в связи с воздействием самой исторической действительности на творчество писателей той поры.

С однолинейностью и схематизмом спорит и О. Михайлов («Деревня» Бунина и М. Горький»). Не отрицая влияния Горького на Бунина, он вместе с тем подчеркивает, что это знакомство, переросшее одно время в тесную дружбу, весьма благотворно сказалось и на творческой практике Горького. Подкупает в этой статье стремление вскрыть сложную диалектику взаимоотношений этих больших писателей: Горький восхищался художественным мастерством Бунина и с неприязнью относился к его аполитизму, Бунин же, не разделяя гражданской позиции автора «Песни о Буревестнике», в иные периоды явно заражался его активностью. Беседы и споры о России, крестьянстве, русском народе и его борьбе нашли яркое отражение в произведениях писателей, создававшихся почти одновременно. Анализируя и сопоставляя «Деревню» с «Городком Окуровым» и «Жизнью Матвея Кожемякина», подчеркивая индивидуальность художественных решений и несходство писателей во взглядах на целый ряд проблем, О. Михайлов находит в этих произведениях не только «островки полемики», но и «точки соприкосновения». Статья показывает, как уважительно и бережно относились в 900-е годы оба писателя к работе друг друга.

Словом, авторы сборника не снимают вопроса о непосредственной учебе отдельных писателей у Горького, но делают это, не насилуя самого материала. В этом плане интересна статья М. Петровой «В школе Горького (О творчестве Скитальца)», в которой основное внимание уделено творческому пути Скитальца дооктябрьского периода.

Стремление расширить представление о литературных явлениях начала века сказалось и в статье А. Астафьева «Забытый писатель (А. А. Золотарев)».

Но, отметив, что авторы рецензируемой книги отошли от тех не лучших традиций, которые сложились одно время в горьковедении, и полемизируют с работами, в которых Горький выступал лишь в роли учительствующего, все же следует сказать, что отголоски этих традиций слышатся и в статьях настоящего сборника. Так, например, знаньевцы рассматриваются не как представители особого течения в реализме начала века, а как «школа Горького» (стр. 198). Будучи предельно критичными по отношению к литераторам, окружающим Горького, авторы статей порою забывают об этой критичности, когда речь идет о самом Горьком.

То новое, что безусловно внесено авторами сборника в их исследования, в большинстве своем основывается на разного рода архивных материалах, документах, неизвестных ранее воспоминаниях и письмах, давно забытых интервью. Статья о Куприне содержит, например, очень полезную сводку высказываний Куприна о Горьком. В ней же сообщен ряд новых сведений о творческой деятельности Куприна, в частности установлены некоторые его псевдонимы (стр. 135—137).

Обращение к документальному материалу позволило А. Нинову (статья «М. Горький и И. Бунин на Капри») с детальной подробностью восстановить целый ряд интересных и важных встреч и совместных общественно-литературных начинаний Горького и Бунина в каприйский период. Однако заметим, что некоторые сведения, приводимые в этой статье, вызывают сомнения. Так, на стр. 66 в числе частых посетителей Капри назван А. Толстой. Недостаточно точно изложена здесь история «Современника» 1912—1913 годов.

Обращение к забытым материалам позволило внести существенные поправки в «Летопись жизни и творчества А. М. Горького» (Р. Вуль, «О дате приезда А. М. Горького в Самару в 1895 году») и в «карту странствий» Горького по Руси в 1891 году (Н. Немудров, «Из Нижнего в Тифлис»).

Вместе с тем нельзя не высказать сожаления, что собственно архивная часть заняла в данном издании слишком скромное место. Первый раздел представлен небольшой по объему работой Ф. Иоффе «Черновые редакции романа «Дело Артамоновых» и публикацией конца романа во второй редакции. Нет сомнения в том, что отдел этот мог бы быть значительно богаче. Обеднение его вызвано, очевидно, желанием сосредоточить публикацию писем и неизвестных произведений Горького в специальном издании «Архив А. М. Горького». Но материалы Архива М. Горького столь обширны, что можно было бы не менять установившегося типа «Горьковских чтений».

Есть у меня и другие претензии к книге. Авторов некоторых статей можно упрекнуть в подмене идейно-эстетического анализа произведений простым пересказом их содержания.

Статья Б. Ахундовой композиционно не слажена, рыхла. Статья А. Нинова порою превращается в «летопись» событий. Однако все эти недостатки и недоработки не могут заслонить главного: книга «Горьковские чтения» 1964—1965 годов, несмотря на

отсутствие в ней статей крупнейших горьковедов, получилась интересной, актуальной и весьма полезной широкому кругу читателей.

В. ГРЕЧНЕВ

г. Ленинград

СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ И КРИТЕРИИ КРИТИКА *

Свою книгу А. Павловский назвал «Поэты-современники». Это название раскрывается определенным образом и тематически и методологически. Тематически: поэты, о которых пишет критик, не просто живут или жили с нами в одно время, они не просто современники друг друга, они — выразители настроений эпохи, «властители дум». Подвести читателя вплотную к ним — такова скрытая цель А. Павловского. Попробуем в нескольких словах описать суть его метода. Метод этот базируется на непосредственном сопоставлении творчества с эпохой, в которой живет поэт. Историзм творчества, преломление мировоззрения в поэзии, закономерности эволюции творчества — вот главные критерии. Вопросы поэтики А. Павловский касается неодинаково у разных поэтов, чаще всего прибегая к выяснению стилистических традиций и параллелей. Посмотрим на конкретных примерах, как следует А. Павловский своим же критериям.

Сборник открывается разбором книги поэм Владимира Луговского «Середина века». Обстоятельно, поэму за поэмой, разбирает А. Павловский книгу Луговского. Авторскую мысль А. Павловский

классифицирует и анализирует, хотя часто прибегает к прямым ее описаниям, что кажется совсем лишним там, где мысль абсолютна ясна. Все основные темы его поэзии определены им четко: народ, личность, революция, прогресс. Критик «собирает» их от поэмы к поэме, чтобы к концу подвести итог: «Эта мысль, кратко говоря, заключается в утверждении нашего исторического бытия — нашей морали, наших взглядов, нашего строя» (стр. 52).

Таким образом, анализ «Середины века» — это анализ авторской мысли, из которой складывается эпическая сторона книги. Но, кроме эпической стороны, в поэмах есть еще лирическая, которая не только сильна и значительна, но и сложна. А. Павловский почти полностью пренебрег лирическим началом книги, растворив его в эпическом. Признавая, что «Середина века» чрезвычайно личное произведение, к лирическому плану книги он возвращается всегда только для того, чтобы подчеркнуть преобладающее значение эпического. Характерный пример — трактовка темы человеческого счастья у Луговского. А. Павловский понимает ее правильно, следуя замыслу Луговского, но только в самом общем виде. Философское понятие счастья у Луговского А. Павловский берет в узком, бытовом его значении, оперируя триви-

* А. Павловский. Поэты-современники, «Советский писатель», М.—Л. 1966, 270 стр.